о пяти, а лишь о четырех произведениях Серапиона, так как пятое «слово» — лишь редакция предшествующего. Не случайно, что «Златая цепь» включает лишь четыре «слова» Серапиона, а пятое помещается лишь начиная с Паисиевского сборника. Таким образом, четвертое и пятое «слова» — безусловно относятся к владимирскому периоду деятельности Серапиона. Отнесение М. Горлиным почти всех произведений Серапиона к Киеву, как показал Н. К. Гудзий, основано на неправильном представлении о мирных добрососедских отношениях северо-восточных княжеств Руси с татарами (что противоречит исторической действительности), на неполном и неточном цитировании. Таким образом, второе «слово» Серапиона (по М. Горлину; третье — по нумерации Е. В. Петухова) нет основания обязательно относить к Киеву. Вопрос о датировке третьего «слова» Серапиона (по М. Горлину, второго — по Е. В. Петухову) представляется не вполне ясным за отсутствием неоспоримых данных для датировки в тексте произведения.

М. Горлин и Н. К. Гудзий предлагают разные датировки (1260-е годы или около 1275 г.) в зависимости от того, как они понимают указание Серапиона на начало сорокалетия, в течение которого Русь терпит беды под властью татар (начиная с 1223 или 1237 г.).

М. Горлин предлагает вести счет от битвы на р. Калке (1223 г.), Н. К. Гудзий — от похода на северо-восточную Русь в 1237 г., что представляется более вероятным. Возражения проф. А. Мазона Н. К. Гудзию не достигают цели за неимением новых доказательств (RES, 1953, XXX, стр. 156). По-видимому, вопрос о датировке данного «слова» следует считать открытым и признать пока установленным, что первое «слово» было произнесено в Киеве, а второе, четвертое и пятое — во Владимире.

Впрочем, датировка и локализация произведений без тщательной текстологической работы не могут считаться правомерными и убедительными. Изучение и научное издание наследия Серапиона Владимирского — одна из очередных задач советских историков древнерусской культуры.

За последние два десятилетия зарубежные слависты не раз обращались к одному из наиболее поэтических произведений древнерусской литературы XIII в. — «Слову о погибели Русской земли». М. Горлин посвятил ему статью («Le Dit de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav. RES, 1947, XXVIII, стр. 5—33), в которой доказывает, что оно не было самостоятельным произведением, а с самого начала было соединено с повествованием о смерти Ярослава Всеволодовича. Последнее М. Горлин восстанавливает по Степенной книге и вступлению к житию ярославского князя Федора Ростиславовича, написанному Андреем Юрьевым, и создает реконструированный текст, объединяющий «Слово о погибели Русской земли» с рассказом о смерти Ярослава. С возражением против точки зрения М. Горлина дважды выступал профессор Женевского университета А. В. Соловьев (Le Dit de la ruine de la terre Russe. Byzantion, t. XXII. Bruxelles, 1953, стр. 105—128; New traces of the Igor Tale in old Russian literature. Harvard slavic studies. Harvard university press. Cambridge Massachusetts, 1953, v. I, стр. 73—81), доказывая, что «Слово о погибели» было создано как самостоятельное произведение, близкое к «Слову о полку Игореве» по своему жанру и поэтическому стилю. Природе, составу и датировке «Слова о погибели» посвящена специальная статья Н. К. Гудзия «О Слове о погибели Русскыя земли» в XII т. ТОДРЛ (1956, стр. 527—545), прочитанная первоначально как доклад 20 декабря 1955 г. на заседании группы по изучению древнерусской литературы в ИМЛ.

Малоудовлетворительной из-за эмпирического рассмотрения литературной истории произведения представляется статья А. Фролова (Le Zna-